

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ ПРЕДКОВ В АЛАКУЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ (по материалам нарушенных погребений)

В последнее время достаточно широко обсуждается вопрос о нарушенных погребениях древних культур Евразии. В статье рассматриваются алакульские погребения, в которых обнаружены отдельные «лишние» человеческие кости, не имеющие отношения к основному захоронению. В основном это женские черепа, нижние челюсти, зубы и кости одной руки/рук. Дополняют картину алакульские погребения, в которых у женского костяка отсутствуют череп и кости одной руки. Предложено следующее объяснение ситуации. В эпоху бронзы в связи с развитием скотоводства на территории степей разворачивается борьба за лучшие пастбища. Соперниками в борьбе могли выступать коллективы, относящиеся к одной культуре (алакульской). Коллектив, потерпевший поражение, должен был покинуть не только свою территорию, но и родовое кладбище, где захоронены предки. Чтобы обеспечить своему коллективу поддержку предков на новом месте, они раскапывали могилы наиболее почитаемых сородичей и транспортировали кости на новую территорию. Соответственно, победивший коллектив стремился присвоить себе чужое родовое кладбище, с этой целью они совершали захоронение отдельных костей своих предков в чужих могилах. Автор приходит к выводу, что нарушения могил в древности могли производиться многократно, как сородичами, так и противниками. Эти действия магического характера были направлены, в первую очередь, на кости предков. Именно помощь и поддержка предков, а не украшения или оружие, представляли главную ценность для коллектива.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Казахстан, эпоха бронзы, алакульская культура, культ предков.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-05

Введение

В последнее время достаточно широко обсуждается вопрос о нарушенных погребениях древних культур Евразии. Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что вторжение в погребения осуществлялось в то время, когда связки скелета еще не полностью разложились. Нередко в могиле оставались достаточно ценные вещи, но присутствовали следы манипуляции с костями погребенных. Чаще всего нарушалось расположение костей верхней части скелета, в первую очередь черепа или нижней челюсти, нередко именно эти кости извлекались из могилы. Поэтому перед исследователями конкретного могильника/могилы неизбежно встает дилемма – «грабление или обряд». В обобщающей статье С.А. Яценко и М.Е. Килуновской [2016, с. 7–14] «Нарушенные погребения: проблемы изучения» отмечается следующий момент: «Ясно одно: в подавляющем большинстве из множества рассматриваемых в текстах ситуаций речь идет о вмешательстве людей, относящихся к той же культурной традиции, причем достаточно близком по времени к погребению (не позже 1–2 поколений) – сородичей, соседей или различных недоброжелателей. Эти люди, чаще всего, хорошо знали детали погребально-поминального ритуала, структуру некрополя и размещение нужных им погребений, планировку самих могил и характер сопроводительных вещей» [Яценко, Килуновская, 2016, с. 9].

Представляется необходимым рассмотреть еще один вариант погребений, в которых обнаружены отдельные «лишние» человеческие кости, не имеющие отношения к основным захоронениям в данной погребальной камере. Такие могилы встречены в эпоху бронзы на некоторых алакульских некрополях.

Материалы и их обсуждение

В алакульском могильнике Ермак-IV (Нововаршавский район, Омская область) особый интерес представляют могилы-1 и 7. Могила-1 имела размеры 2,0×0,8 м, глубину – 0,9 м от уровня материка, ориентирована по линии СЗ–ЮВВ. На глубине 25 см от уровня материка обнаружен череп, принадлежащий особи крупного рогатого скота*. Могила содержала погребения на разных уровнях. *Погребение 1* сильно нарушено. На глубине 40 см от поверхности материка в северо-восточной части ямы обнаружен раздавленный череп младенца в возрасте 3–6 месяцев**. Поверх черепа, на боку лежал сосуд. На этом же уровне (40–45 см) в различных частях могильной ямы обнаружены некоторые другие кости скелета этого младенца (левая плечевая, левая большеберцовая, два позвонка). Здесь же были найдены фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатой качалкой. У северной и южной стенок прослежены фрагменты обгоревшего дерева. На глубине 50 см от уровня материка встречены разрозненные кости (нижняя челюсть, плечевая, локтевая и лучевая кости левой руки, кости запястья, фаланги), принадлежащие женщине в возрасте около 25 лет. По-видимому, нижняя челюсть и кости левой руки женщины были положены в могилу преднамеренно в ходе ритуала. *Погребение 2* находилось на глубине 70 см от поверхности материка. Подросток в возрасте около 9 лет был захоронен скорченно, на левом боку, головой на северо-северо-запад. Сохранность костяка хорошая, но отсутствовали кости ступней обеих ног. В головах погребенного располагались целый сосуд и два крупных фрагмента от разных сосудов. Рядом с погребенным обнаружена также бронзовая пластинка. У южной стенки могильной ямы прослеживались пятна прокаленного суглинка. В ногах подростка находилась обгоревшая деревянная плаха (перекрытия?), лежащая поперек могилы у восточной стенки. В северо-восточном углу, рядом с обгоревшей деревянной плахой и под ней, найдены лежащие в беспорядке кости младенца в возрасте около 6 месяцев (локтевые, малоберцовые, левая большеберцовая, правая ключица, 4 ребра). Эти кости можно выделить как *погребение 3*. Детское *погребение 1* (младенец 3–6 месяцев) находилось примерно над этим *погребением 3* (младенец около 6 месяцев), но их разделяла чистая (без находок костей и предметов) прослойка, мощностью около 30 см. Костяк подростка (*погребение 2*) был расположен не на материке. Ниже шел мешаный слой – серый суглинок с материковыми вкраплениями. Мощность его – 20 см. В этом слое, в западной части могильной ямы, на 3–5 см ниже уровня костяка подростка, прослеживалась черная прослойка с углистыми вкраплениями, мощностью 1–3 см. По-видимому, это остатки подстилки [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 36-1].

Могила-7 имела размеры 2,2×1,2 м и была углублена в материк на 0,65 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Могила содержала два погребения на разных уровнях. *Погребение 1 (верхнее)* находилось на глубине 10 см от уровня материка. Оно занимало юго-восточную часть ямы, северо-западная была пуста. Умерший ребенок 6–7 лет захоронен в сильно скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Рядом с погребенным положено два черепа (без нижних челюстей) от взрослых особей крупного рогатого скота. Один череп животного располагался возле затылка ребенка, другой находился возле тазовых костей детского костяка и был перевернут лобными костями вниз. Под ребрами скелета ребенка – нижняя челюсть взрослой осо-

* Определение костей животных могильника Ермак-IV сделаны П.А. Косинцевым [1990, с. 66–69].

** Антропологические определения для могильника Ермак-IV сделаны В.А. Дремовым.

би лошади. Кроме того, за спиной и в ногах ребенка найдены обломки четырех бедренных костей от двух взрослых особей лошади (крупного и среднего роста) (рис.-1). Ниже, на глубине 30 см от уровня материка в юго-восточной половине ямы найдены череп, ребра и позвонки от новорожденного теленка (1–3 месяца), центральная кость заплюсны крупного рогатого скота, а также обломок одной берцовой кости лошади.

На глубине 50 см от уровня материка в юго-восточной части ямы обнаружены также две тазовые и обломок одной бедренной кости полувзрослой (около двух лет) лошади. Всего в могиле обнаружено пять бедренных костей лошади от одной полувзрослой и двух взрослых особей. Кроме того, на этом уровне найдены кости конечностей крупного рогатого скота (две передние ноги, отрезанные в области запястных суставов). По мнению П.А. Косинцева [1990, с. 67], вероятно, была и задняя нога, так как найдена центральная кость заплюсны. На этом же уровне в центре ямы находилась задняя половина туши овцы с эмбрионом (незадолго до рождения), разрушенная по грудной клетке. Овца была положена на живот с подогнутыми задними ногами. Положение ног костяка овцы позволяет установить, что она была ориентирована головой на юго-восток, что совпадает с ориентацией головы человека из нижнего погребения. В центральной части ямы также зафиксированы две плахи сгоревшего перекрытия, лежащие параллельно друг другу. Отдельные фрагменты сгоревшей обкладки прослеживались вдоль юго-западной и юго-восточной стен, а у северо-западной и северо-восточной стенок зафиксированы пятна прокаленного суглинка. Одно из них, располагавшееся ближе к середине северо-восточной стенки, содержало обожженные кости, вероятно, принадлежавшие человеку из нижнего погребения. На костях животных следов огня нет (рис.-2).

На глубине 55 см от уровня материка зафиксирована сгоревшая обкладка нижнего погребения, которая шла вдоль юго-восточной торцевой стороны и частично вдоль юго-западной, примыкавшей к юго-восточной. Вдоль северо-западной торцевой стенки зафиксирован фрагмент сгоревшей обкладки или продольного перекрытия. Погребальная камера была подожжена с торцовых сторон. Вдоль сгоревшей обкладки четко выделялись широкие полосы прокаленного суглинка, слой которого достигал более 10 см, особенно мощные следы прокала зафиксированы в южном углу, толщина прокаленного слоя уменьшалась по направлению к средней части ямы до 5 см. У юго-восточной стенки в слое прокаленного суглинка встречались обгоревшее дерево и мелкие кости (человека?). У юго-западной стенки и в центре прослежены фрагменты плах сгоревшего перекрытия. Рядом с центральным фрагментом перекрытия, вне прокаленного слоя, обнаружена кость животного без следов огня. На этом же уровне, в северо-западной половине, ближе к центру ямы, обнаружена нижняя челюсть без следов огня, принадлежащая женщине (?) 18–20 лет (рис.-3). Вероятно, челюсть была положена в могилу преднамеренно. Кроме того, на этом уровне найдено несколько разрозненных костей от скелета человека (ребро и несколько позвонков) также без следов огня, которые, скорее всего, относились к нижнему погребению.

Погребение 2 (нижнее) находилось на дне могильной ямы, на глубине 65 см от уровня материка. Обожженная рама из деревянных плах фиксировалась вдоль юго-восточной стороны. Вдоль всей юго-западной стенки также сохранились плахи обкладки, которые в средней части не имели следов огня. Вдоль большей части северо-восточной стенки обкладка отсутствовала, за исключением обгоревшего фрагмента, примы-

кавшего к юго-восточной торцевой части рамы. Частично сохранилось также обгоревшее поперечное перекрытие в юго-восточной части камеры. Погребение нарушено. Возле юго-восточной стенки, под обгоревшей плахой перекрытия располагался череп человека (с нижней челюстью), который принадлежал мужчине (?) 35–40 лет, вероятно, он был ориентирован головой на юго-восток. Верхняя часть черепа обгорела, а та его сторона, которая была обращена к земле, не имела следов огня. Рядом с черепом находилась обожженная кость мелкого рогатого скота. Разрозненные кости скелета человека занимали юго-восточную половину ямы, северо-западная была пуста. Анатомическое положение костей нарушено. Возле черепа обнаружены несколько ребер, разрозненные позвонки. Ближе к центру могилы находились две лопаточные кости*, ключица, кость предплечья, лучевая, локтевая, кости кисти одной руки, позвонки. Некоторые кости находились в сочленении. В двух случаях позвонки сохранили анатомический порядок, они были расположены в сочленении по три. Лучевая и локтевая кости и кисть руки также находились в сочленении. Огонь затронул те части скелета, которые непосредственно соприкасались с горевшей обкладкой и перекрытием. Значительно обгорели череп и скопление костей у северо-восточной стенки, рядом с обгоревшей плахой поперечного перекрытия. В центральной части ямы обкладка возле юго-западной стенки не имела следов воздействия огня, так же как и кости скелета, находившиеся в этой части ямы. На дне у северо-восточной стенки ямы, ближе к северному углу, обнаружен бронзовый нож, не подвергшийся действию огня (рис.-4, 5) [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 47-1]. В погребении 2 могилы-7 обнаружены далеко не все кости скелета мужчины. Состав костей достаточно выразителен. Это, прежде всего, череп и кости одной руки, а также некоторые кости верхней половины скелета (позвонки, ребра). Но однозначно утверждать, что в погребении были кости только одной руки, не представляется возможным, так как скопление сильно обгоревших костей у северо-восточной стенки на дне могилы и возле этой же стенки в заполнении на глубине 50 см от уровня материка вполне могли принадлежать костям второй руки. Обращает на себя внимание и такой факт, как полное отсутствие нижней части скелета (тазовые кости, крестец, кости ног). В северо-восточной половине могилы, где должна была находиться нижняя часть скелета, отсутствует также обкладка вдоль большей части северо-восточной стенки. По-видимому, именно с северо-восточной стороны произошло проникновение в могилу, нарушение костяка и извлечение нижней части скелета мужчины. Вероятно, эти действия имели место спустя сравнительно небольшой срок после захоронения трупа, пока связки еще не совсем разложились. Вслед за нарушением костяка деревянная камера была подожжена с торцовых сторон, и после того, как огонь достаточно разгорелся, могила была засыпана землей, о чем свидетельствуют сильные прокалы. Позже в могилу были помещены последовательно нижняя женская челюсть, задняя половина туши овцы с эмбрионом (незадолго до рождения) и совершено захоронение ребенка в верхней части заполнения могилы в сопровождении

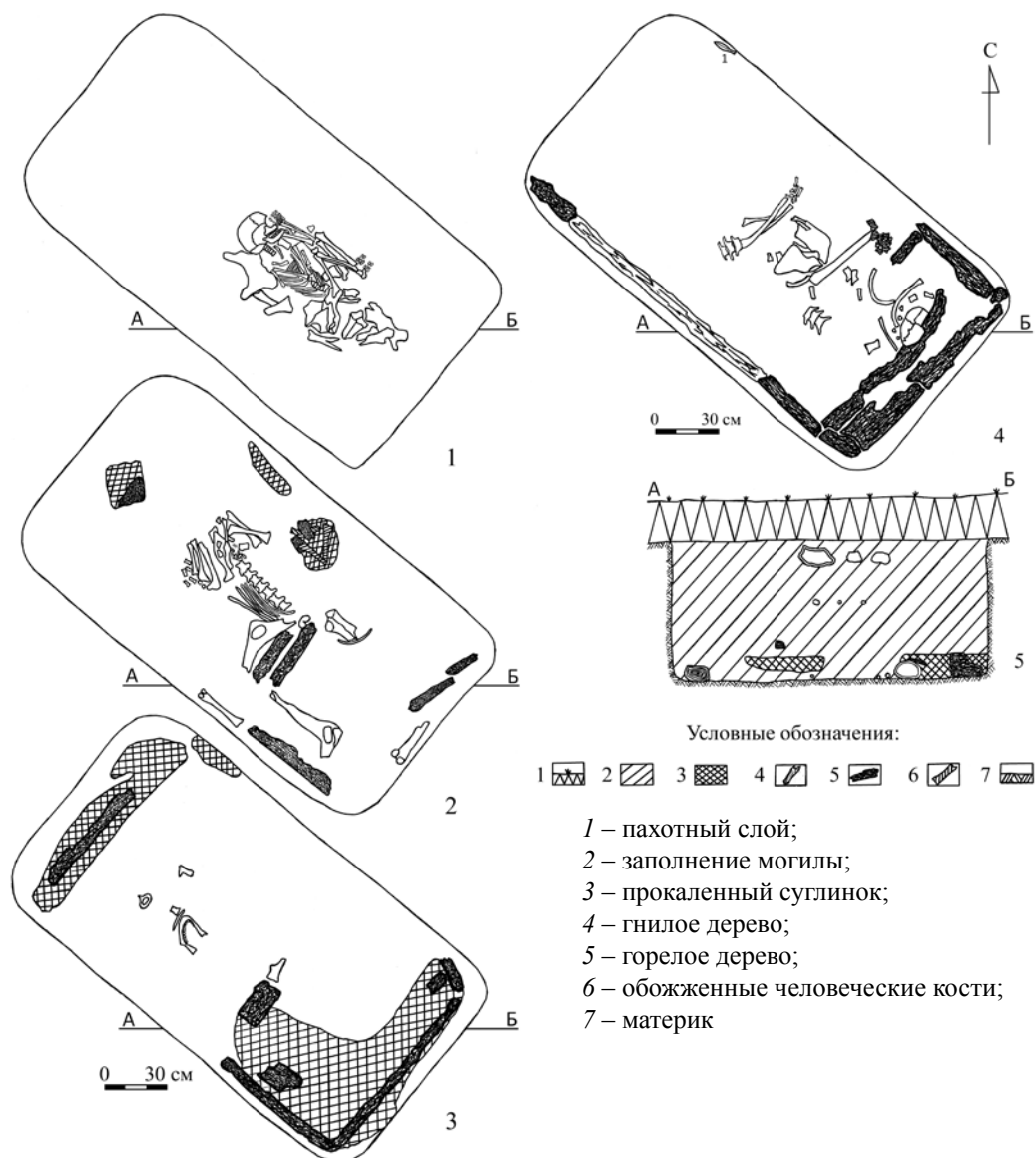
* Это уточнение относительно лопаточных костей внесено в результате работы в МАЭ ОмГУ и изучения записей в полевом дневнике [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 47-2]. В тексте отчета [МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 47-1] состав костей не уточнялся, в свою очередь работа с планами не всегда дает надежные результаты. В недавно вышедшей статье [Сотникова, 2017, с. 356] при перечислении костей, оставшихся от нарушенного скелета человека, эти крупные кости, лежащие в скоплении, упомянуты как тазовые. Однако относительно содержания вышеназванной статьи и сделанных выводов это уточнение принципиального значения не имеет.

значительного количества домашнего скота. Какое время прошло между сожжением нижней погребальной камеры с останками мужчины и помещением в могилу нижней женской челюсти и захоронением ребенка, сказать сложно. Можно только предполагать, что этот промежуток времени был незначителен, так как женская челюсть и захоронение ребенка располагались практически точно над остатками костей нижнего погребения мужчины, но при этом ребенок ориентирован головой в противоположном направлении, ногами к черепу мужчины. Следовательно, тому, кто совершал манипуляции с человеческими костями, вероятно, было хорошо известно и, соответственно, учитывалось расположение костей мужчины из нижнего погребения. Достаточно сложный обряд, зафиксированный в могиле-7, представляет интерес также тем, что в нем не обнаружено ни одного фрагмента керамики, только жертвенные кости животных. Единственной находкой является бронзовый нож из нижнего погребения, который располагался на значительном расстоянии от костей мужчины, в пустой части могилы ближе к торцовой стенке, и не имел следов воздействия огня.

Таким образом, вероятно, в могильнике Ермак-IV в могилу-7 была преднамеренно помещена нижняя женская челюсть, а в могилу-1 нижняя челюсть и кости левой руки женщины, поэтому вряд ли следует рассматривать эти находки как самостоятельные погребения. Вероятно, это следы определенного ритуала, не случайно эти кости принадлежат женщинам и связаны с детскими погребениями.

Подобные преднамеренные помещения в могилу женского черепа или нижней челюсти и костей руки зафиксированы и в других алакульских могильниках. В Хрипуновском могильнике могила-13 представляла собой коллективное захоронение. Могила ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ, имела размеры по верху 3,55×3,1 м, глубину 0,8 м от уровня материка. Перекопанная грабителями юго-западная часть ямы заполнена черной супесью, а оставшаяся непо потревоженной северо-восточная половина – пестрым мешаным грунтом. На дне вдоль юго-восточной, северо-восточной и частично северо-западной стенок сохранились остатки двухвенцовой рамы из плах или бревен диаметром до 0,2 м, а также фрагменты поперечного перекрытия. У северо-восточной части домовины в непо потревоженном состоянии находились нижние части скелетов (кости таза и ног) взрослого мужчины и подростка 10–14 лет (девушка?), свидетельствующие о том, что костяки были захоронены лицом друг к другу, головами на северо-запад. Девушка была положена на правый, мужчина – на левый бок. Под левой подвздошной костью мужчины найдена просверленная раковина. На левой щиколотке девушки сохранилась низка бронзовых бус, в районе таза – бронзовая обоймочка и два просверленных клыка – собаки и лисицы. С внутренней стороны коленного сустава левой ноги – другая пара клыков плохой сохранности и обломок бронзового изделия. В изголовье погребенных – два горшка, рядом с ними – обломки двух четырехгранных бронзовых шильев.

В юго-западной части могилы было захоронено еще шесть или семь человек, однако где именно и в каком положении находились костяки, удалось восстановить не во всех случаях. Анатомический порядок сохранили лишь подвздошные кости и нижние позвонки скелета взрослого мужчины, погребенного в центральной части могилы. Из их положения следует, что он был захоронен на спине и ориентирован головой на северо-запад. Этому же костяку принадлежали массивные бедренные и большие берцовые кости, находившиеся рядом, но сдвинутые с места. Рядом с ними находились

Могильник Ермак-IV, могила-7:

1 – план погребения 1 (верхнее) на глубине 10 см от уровня материка;
 2 – план могилы на глубине 50 см от уровня материка; 3 – план могилы
 на глубине 55 см от уровня материка; 4 – план погребения 2 (нижнее)
 на глубине 65 см от уровня материка; 5 – разрез могилы-7

бедренные и большие берцовые кости другого взрослого мужчины, а также большая и фрагмент малой берцовой кости взрослой женщины. Нижний эпифиз большой берцовой кости женщины был охвачен низкой бронзовых бус. Среди костей также обнаружены бронзовая пронизка, несколько обломков бронзовых изделий и костяная под-

веска. Кроме того, в этой части могилы обнаружен верхний клык человека в возрасте около 50 лет. В ногах этой группы расчищены останки скелета ребенка 1,5–2 лет, захороненного скорченно, на правом боку, головой на северо-запад, в ногах ребенка поставлены два сосуда, причем маленькая неорнаментированная баночка перевернута вверх дном. Представляет интерес тот факт, что детское погребение не было нарушено при ограблении этой части могилы. Кроме того, в заполнении могилы найдены несколько молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет.

Ближе к северо-западной стенке одним скоплением залежали правые плечевая, локтевая, лучевая кости (правая рука. – С. С.), а также фрагмент нижней челюсти женщины 15–17 лет. Среди ее останков найдены серебряные, пастовые, бронзовые бусы, бронзовые круглые нашивные бляшки с концентрическим орнаментом и сквозными отверстиями, бронзовые обоймы, бронзовая очковидная подвеска, около десятка просверленных клыков, в том числе два клыка собаки, пять – лисицы, один – барсучий, один – резец кабана, фрагменты бронзового желобчатого браслета, фрагменты перстня со спиралевидным щитком, обломки еще нескольких бронзовых предметов, украшенных спиральями, бронзовый нож [Матвеев, 1998, с. 148, 150–151].

Наибольший интерес в хрипуновском погребении представляет захоронение фрагмента нижней челюсти и правой руки девушки 15–17 лет в сопровождении украшений, которые обычно входят в состав головного убора или накосника (бусы, обоймы, круглые нашивные бляшки, бронзовая очковидная подвеска, просверленные клыки) или украшают руки (браслеты, перстни). Эти действия можно интерпретировать как намеренное, с ритуальными целями, помещение определенных останков в могилу. Не исключено, что эти ритуальные действия как-то связаны с погребением ребенка 1,5–2 лет в этой же части ямы, а также с находкой нескольких молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет из заполнения могилы. Возможно, что к этой же категории намеренно помещенных человеческих костей относится верхний клык человека в возрасте около 50 лет. Находка женской нижней челюсти и костей одной руки в погребении, а также связь с детским/детскими захоронениями имеет определенное сходство с традициями могильника Ермак-IV (за исключением украшений).

В могильнике Маринка (Восточный Казахстан) в могиле-14 захоронен младенец в возрасте до 5 месяцев, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Поверх костяка ребенка установлены два черепа, у которых отсутствовали нижняя челюсть и шейные позвонки, черепа принадлежали подростку 12–13 лет и женщине 30–35 лет [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 97]. В данном случае также очевидна связь с детским захоронением.

Таким образом, в среде алакульского населения существовал ритуал, в ходе которого происходило намеренное вторжение в уже существующую могилу, при этом анатомическое расположение костей скелета нарушалось и, вероятно, часть их изымалась, затем в могилу помещались человеческие кости, не связанные с основным захоронением. Состав намеренно помещенных костей показателен. Как правило, они принадлежали женщинам, это – черепа, нижние челюсти, нередко в сочетании с костями одной руки. В Хрипуновском могильнике эти кости сопровождалась украшениями как головного убора (включая накосник), так и рук (браслеты, перстни). Вероятно, с этими ритуальными действиями следует связывать также помещение в могилу детских костяков, черепов, зубов.

Соответственно, существование подобного ритуала предполагает наличие исходного (первичного) женского погребения, совершенного в соответствии с алакульской традицией, а именно в скорченном положении, на левом боку, но нарушенного таким образом, что в нем отсутствуют череп или нижняя челюсть и кости руки. Такие погребения имеются, но их число незначительно, так как долгое время все нарушенные погребения относились исследователями к ограбленным и, соответственно, документировались недостаточно тщательно. В алакульских (атасуских) памятниках Центрального Казахстана зафиксированы погребения, в которых у женского костяка отсутствуют череп и кости одной руки, сведения об этих погребениях сведены в таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика алакульских (атасуских) погребений с изъятыми костями черепа и рук

Памятник, публикация	№ объекта	Ориентация могилы	Размеры могилы (в метрах)	Количество, пол, возраст погребенных	Положение, ориентация костяков	Какие кости отсутствуют, пол костяка
Аяпперген [Ткачев, 2002, с. 73–74]	Ограда №21	СВ–ЮЗ	2,1×1,2×0,8	Женщина и ребенок	Скорченно, левый бок, ЮЗ	Череп и кости правой руки (ж)
Аяпперген [Ткачев, 2002, с. 66–69]	Ограда №4, могила-1	СВ–ЮЗ	2×0,9–0,75×?	Одиночное, взрослый, пол-? (нижнее погребение)	Скорченно, левый бок, ЮЗ	Череп, верхняя часть позвоночного столба, кости правой руки, пол-?
Алпымса [Ткачев, 2002, с. 39–42]	Курган №1	СВ–ЮЗ	1,5×1,2×1,2	Одиночное, взрослый, ж-?	Скорченно, левый бок, ЮЗ	Череп и кости правой руки (ж-?)

Некоторые сведения о представленных в таблице погребениях требуют дополнительного пояснения. В могильнике Аяпперген (ограда №21) в заполнении, в придонной части, обнаружены нижняя челюсть человека в сопровождении украшений. Из описания не вполне ясно, кому она принадлежала. Так как это специально в тексте не оговаривается [Ткачев, 2002, с. 73–74], следует предполагать, что она принадлежала женскому костяку, захороненному на дне, иначе говоря, из могилы сначала изъяли череп вместе с имевшимися на нем украшениями головного убора, но затем оставили нижнюю челюсть и какую-то часть украшений. В заполнении могилы-1 ограды №4 этого могильника встречены нижняя челюсть и бедренная кость скелета человека. На дне обнаружен хорошо сохранившийся костяк, у которого отсутствовали череп, верхняя часть позвоночного столба и кости правой руки. А.А. Ткачев считает, что могила содержала двойное погребение. Одно, частично сохранившееся, находилось на дне. Второе погребение совершено позднее, в верхней части могилы, поверх первого, когда ящик частично заполнился землей, оно было полностью разрушено в процессе ограбления. Однако исследователь не исключает варианта, что кости верхнего скелета попали в могилу в результате одновременного ограбления оград [Ткачев, 2002, с. 66–69]. В данном случае для нас представляет интерес нижнее погребение, в котором у костяка отсутствуют череп и кость правой руки. Могильник Алпымса А.А. Ткачев относит к памятникам нуринаского (федоровского) типа. Однако материалы кургана №1 не имеют явных нуринаских черт. На глубине 40 см от края ямы среди обломков плит

перекрытия встречены кости конечностей и позвонки лошади. Рядом, на этом же уровне, у западной стенки на боку располагался сосуд баночной формы без орнамента, рассыпавшийся в процессе выборки. А.А. Ткачев [2002, с. 39–42] предполагает, что сосуд и кости лошади, накрытые шкурой животного, составляли поминальный комплекс на перекрытии могилы, который в ходе ограбления оказался в заполнении могилы. Однако жертвенные комплексы из черепов и костей ног домашних животных (в данном случае костей ног лошади) иногда в сочетании с сосудами характерны, прежде всего, для алакульских (атасуских) комплексов. Кроме того, единственный сосуд, связанный с этим погребением, представлен банкой без орнамента, которая к тому же не сохранилась, поэтому такой важный аргумент, как керамика, в данном случае не может быть использован в качестве культурного индикатора. Соответственно, нет серьезных оснований относить материалы кургана №1 к нуринскому типу, вполне вероятно их атасуская принадлежность. Следует также добавить, что в области шейных позвонков человека, захороненного в этой могиле, найдены обломки кольца из бронзовой проволоки [Ткачев, 2002, с. 39–42]. Наличие украшений, как представляется, свидетельствует в пользу женской принадлежности погребенного.

Достаточно сложные манипуляции с черепами и костями рук женщин зафиксированы в Лисаковском I могильнике (Костанайская область, Казахстан). Алакульская могила-1 ограды №4А имела крупные размеры 2,3×2×0,45 м, была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На поверхности пятна в восточной половине находился жертвенник из сосуда, перевернутого вверх дном, костей черепа и ног крупного и мелкого рогатого скота. На дне вдоль юго-западной стенки располагалось шесть сосудов. В могиле находились три костяка, ориентированные головой на юго-запад. Два костяка захоронены в скорченном положении лицом друг к другу, мужчина на левом, женщина на правом боку. Женский череп был развернут и лежал на затылке, упираясь сводом в сосуд №3. Кости кистей обеих рук отсутствовали. С женским скелетом связан богатый набор украшений, входящих в состав головного убора и накосника. На запястьях обеих рук – по два бронзовых браслета. На щиколотках обеих ног – низки бронзовых бус. Детали одежды были расшиты пастовыми бусинами. Третий скелет находился в 0,5 м от женского костяка и захоронен спиной к паре, на левом боку, скорченно. У него отсутствовали череп, кости правой руки и ребра, а также кисть левой руки и фаланги пальцев ног (которые могли просто истлеть. – С.С.) [Усманова, 2005, с. 40–42]. При интерпретации этого захоронения Э.Р. Усманова [2005, с. 126] определяет третий костяк как женский.

Во всех рассмотренных атасуских и алакульских погребениях Казахстана помимо черепа извлекались кости именно правой руки. Возможно, этого требовал ритуал, но можно найти и другое объяснение. Так как костяк располагался на левом боку, то правая рука находилась сверху и ее легче было забрать из могилы.

В алакульских могильниках имеются женские погребения, из которых происходило изъятие только черепа. Например, в Лисаковском V могильнике (Костанайская область, Казахстан) два таких женских погребения происходят из одного сооружения – ограды №4. Первое из них было полностью закрыто войлочным перекрытием, и при раскопках не были зафиксированы следы его специального разрушения. Когда же войлок был убран, то на дне могилы обнаружили «обезглавленный» скелет, а на месте черепа – обломок нижней челюсти. Э.Р. Усманова считает, что череп вытасчен до

того, как погребение было закрыто войлоком. Второе, находящееся рядом, погребение было разрушено проникновением уже после его закрытия. Череп был изъят, но скелет остался нетронутым. Единичные украшения были разбросаны по дну ямы. Э.Р. Усманова [2016, с. 52–53] предполагает, что «изъятие» головы происходило из-за богато декорированного головного убора, вместе с которым забирали и саму голову или череп. Она отмечает, что «головной убор имеет символическое значение в традиционном костюме и представляет собой ценность ввиду особых знаковых особенностей. Алакульский головной убор обладал ценностными качествами в сообществе. На его изготовление (плетение тесьмы, декорирование ювелирными украшениями) уходило достаточно много времени. Вполне возможно, что головной убор забирался из погребения для его вторичного использования в обрядах» [Усманова, 2016, с. 54].

Таким образом, благодаря атасуским и алакульским погребениям Казахстана картина, связанная с появлением «лишних» женских костей (череп, нижней челюсти, костей руки/рук), получается достаточно полной и становится возможным предложить следующее объяснение ситуации.

Вероятно, в алакульское время, в связи с наличием колесного транспорта, в степи происходят значительные перемещения отдельных алакульских коллективов (родов, племен), возникает соперничество между различными алакульскими группами за лучшие пастбища, стремление расширить свою родовую территорию. В статьях Ю.П. Чемякина рассматриваются случаи насильственной смерти людей, зафиксированные на поселениях алакульской культуры Мирный-IV и Коркино-I (Челябинская область). На поселении Мирный-IV в двух постройках в колодцах найдены скелеты людей. Следы пожара позволяют предположить, что поселение было разрушено и сожжено. На поселении Коркино-I в колодце из жилища №3 найдены останки 4–7 человек. С восточной стороны этой постройки найдены четыре мужских скелета в позе убитых. В целом же, по подсчетам В.А. Дремова, у жилища №3 собраны останки 12–14 человек, абсолютно преобладали кости мужских скелетов, возраст большинства мужчин 25–40 лет, но встречаются и кости, принадлежащие людям 40–60 лет. По мнению Ю.П. Чемякина, гибель алакульского поселка от вооруженного набега подтверждается незахороненными останками людей, следами пожара, большим количеством сохранившихся вещей и оружием, количество которого превышает средние показатели для андроновских селищ. Все найденное на поселении оружие находит аналоги среди алакульского вооружения. Исследователь называет несколько потенциальных противников «алакульцев», но наиболее вероятной версией считает гибель поселка в результате набега другой, алакульской же, военизированной группы [Чемякин, 2014, с. 97–102; 2015, с. 169–174].

С.Н. Шилов и Д.Н. Маслюженко, рассматривая различные мотивации разрушения алакульских могил, считают, что могилы часто разрушались конкурирующими группами населения, как метод борьбы за территориальные владения. Они допускают, что борьба могла идти между родственными группами внутри одной археологической культуры, в данном случае алакульской [Шилов, Маслюженко, 2001, с. 122]. Таким образом, наличие конкурентной борьбы между алакульскими группами признается целым рядом исследователей.

Эта конкурентная борьба могла приводить к тому, что группа, потерпевшая поражение, теряла контроль над территорией, где размещались их родовые кладбища

и где захоронены их предки, и вынуждена была переселиться на другое место. В то же время связь с предками, согласно традиционным представлениям, обеспечивала благополучное существование коллектива. Обратимся к материалам угорской этнографии, которые представляют для нас значительную ценность, так как, по лингвистическим данным, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубокую древность. Интересные сведения об особенностях взаимоотношений с духами предков среди восточных хантов приводит Т.А. Исаева. Достаточно важным представляется ее замечание, что «культура хантов имеет особенность, которая заключается в том, что они сохранили свою “первобытность” несмотря на длительное воздействие христианства...» [Исаева, 1997, с. 126]. Существенным моментом хантыйских представлений является то, что умершие переходят в разряд духов. Среди всех невидимых сил, поддержки которых следует добиваться, важное место занимают предки, умершие совсем недавно, но уже перешедшие в разряд духов. Отношения с недавними покойниками являются более определенными, чем с духами леса или водоемов, несмотря на то, что ранг последних несколько выше: это духи – покровители территорий. Духи недавно умерших имеют чаще всего семейное или родовое значение. «Предки и покойники не являются объектом религиозного поклонения в полном смысле этого слова. Однако живые безусловно заинтересованы в том, чтобы мертвые были благосклонны к ним» [Исаева, 1997, с. 123].

В случае потери контроля над территорией варианты сохранения связи с предками могли быть различны. Исследователи алакульских древностей неоднократно отмечали, что проникновение в могилы совершалось до полного разложения связок. Вероятно, в среде алакульского населения могилы недавно умерших людей, перешедших в разряд предков, могли нарушаться с целью извлечения определенных костей. Для выяснения целей такого проникновения, по-видимому, не следует пренебрегать достаточно отдаленными этнографическими параллелями, так как они могут оказаться вполне работающими. В данном случае вполне уместно сослаться на этнографическое описание Шатобриана об исходе начезов со своих старых племенных территорий под давлением ирокезов. Шествие открывали воины, несшие костные останки предков, а замыкали процессию женщины с новорожденными на руках [Топоров, 1997, с. 144]. В данной шествии выражена модель жизни коллектива во временном аспекте – от предков прошлого к потомкам будущего. Переселение на новую территорию требовало не только ее практического, но и ритуального освоения. Сакральным пространственно-временным центром мог быть могильник, где в первую очередь предавались земле кости предков, принесенные с прежней территории. Своим присутствием они восстанавливали модель существования коллектива во времени – от предков к потомкам, но уже на новом месте.

Группа «алакульцев», потерпевшая поражение, вероятно, вынуждена была переселиться на новую территорию, где приступала к формированию нового некрополя путем захоронения костей предков, принесенных с прежней территории. Возможно, следы подобного ритуала зафиксированы в Лисаковском I могильнике в алакульском погребении 1 кургана-ограды №1 (группа А, центр-«ядро»). Данный курган был последним в курганной цепочке. В центре кургана располагались две могильные ямы. Могила-1 имела размеры 2×1,5×1,5 м и была ориентирована по линии З–В. Заполнение камеры – однородная супесь серо-белого цвета. В придонной части камеры

обнаружены обломки плах поперечного перекрытия. В северо-западной части – скопление фрагментов керамики двух горшков. На дне в центре ямы найдены обломки черепа, верхней и нижней челюсти человека. Фрагменты черепа лежали на левом боку. Вероятно, череп был ориентирован на запад. Других костей погребенного в могиле не обнаружено. Поверх черепа зафиксированы остатки деревянного настила. Бронзовый нож лежал на боковом лезвии острием вниз рядом с теменной частью черепа. Около ножа находились несколько бронзовых полушарных бляшек, бронзовая очковидная подвеска, пастовые бусины. По-видимому, они являлись деталями декора головного убора. С обеих сторон нижней челюсти лежали по четыре бронзовые подвески в 1,5 оборота, плакированные золотом. Рядом располагались два обломка бронзовой гривны и обломки трех пластинчатых браслетов, два из них со спиралевидными окончаниями. У нижнего фрагмента гривны находились две крупные бронзовые обоймы, от них отходили три низки бусин, к которым крепилось основное наконечное украшение. Э.Р. Усманова считает, что, судя по украшениям, в могиле захоронена женщина, и отмечает, что все украшения носили следы насильственного слома. Она не исключает, что это захоронение только одного черепа [Усманова, 2005, с. 10–11]. Данное погребение можно интерпретировать как могилу, где захоронены кости предка, которые были перемещены на новое кладбище в ходе переселения со своей родовой территории. Об этом свидетельствует состояние украшений – все они оказались сломаны, что неизбежно при извлечении черепа из могилы и его транспортировке. О том, что это захоронение предка, могут свидетельствовать крупные размеры ямы и ее значительная глубина – 1,5 м, кроме того, дополнительным свидетельством в пользу данного утверждения является местонахождение кургана-ограды №1, который был «последним в курганной цепочке». Но с таким же успехом можно сказать, что он был в начале цепочки курганов, как и положено могиле предка. Именно с этой могилы, возможно, и началось формирование некрополя.

В свою очередь, когда победившая группа «алакульцев» вытесняет более слабый коллектив, то она получает контроль не только над их территорией, но также над родовым кладбищем. Вероятно, действия победителей не ограничивались только разрушением могил соперника. Вновь обратимся к материалам угорской этнографии. Т.А. Исаева приводит интересные сведения по заброшенным стойбищам р. Мильто-Ягун, левого притока Пима (восточные ханты). У одной из жительниц почти одновременно погибли муж и сын. Ей приснились умершие родственники и посоветовали покинуть обжитые места. Семья выполнила наказ, и жизнь вошла в нормальное русло. Эта женщина полагала, что духи предков, которые жили здесь раньше, вернулись на свои родные места и потребовали освободить территорию. Как отмечает Т.А. Исаева [1997, с. 125], при осмотре покинутых этой семьей угодий был обнаружен целый ряд археологических памятников: несколько селищ зеленогорского и кучеминского этапов, могильник, насчитывающий более 90 могильных впадин, а также раннее этнографическое кладбище. Таким образом, восточные ханты стремились сохранить хорошие отношения не только со своими умершими предками, но и с духами тех предков, которые жили здесь раньше.

С определенной долей вероятности можно высказать предположение, что для окончательного утверждения своих прав на захваченную территорию победившей группе алакульского населения следовало добиться благорасположения и помощи

духов предков той группы, которая прежде обитала на этой территории. Вероятно, в алакульской среде для этого требовалось перенести и захоронить в некоторых могилах соперников отдельные кости своих предков. В таком случае находит свое объяснение факт наличия «лишних» костей в алакульских захоронениях, в данном случае костей черепа и руки.

Следовательно, среди «алакульцев» имело место ритуальное нарушение погребения сородичами, ритуальное разрушение погребений «алакульцами»-соперниками, а также ритуальное захоронение костей своих предков в могилах родового кладбища побежденной группы. В качестве подтверждения обратимся к материалам погребения 13 Хрипуновского могильника. Как представляется, нарушение данного погребения происходило неоднократно и, возможно, разными группами алакульского населения. По-видимому, сначала были нарушены верхние части костяков парного захоронения в северо-восточной части ямы, так как пострадала только верхняя половина скелетов, а нижняя часть оставлена не потревоженной, более того, не были изъяты украшения. Эти нарушения могли производиться сородичами в ходе каких-то ритуалов, связанных с почитанием предков. Костяки троих погребенных в юго-западной части этой могилы нарушены более основательно и практически не сохранили анатомического положения, значительная часть костей отсутствует, так же как и сопровождающий инвентарь. Вероятно, это следы ритуального разрушения погребения победившей группой «алакульцев» с целью магического ослабления власти противника над захваченной территорией. Затем именно пришлое алакульское население поместило в нарушенной ими части могилы нижнюю челюсть и кости правой руки девушки 15–17 лет в сопровождении богатого набора украшений. Не исключено, что этому новому алакульскому коллективу принадлежало также погребение ребенка 1,5–2 лет в сопровождении двух сосудов, молочные зубы ребенка в возрасте 2,5–3 лет и зуб взрослого в возрасте 50 лет.

Материалы могилы-7 могильника Ермак-IV позволяют предположить, что пришедшая группа не только нарушила положение верхней части скелета мужчины из основного погребения, но также изъяла нижнюю часть костяка и подвергла сожжению погребальную камеру нарушенного погребения. Затем они поместили в могилу нижнюю женскую челюсть и совершили захоронение ребенка.

Следует обратить внимание на тот факт, что в алакульской среде извлекались из могил и помещались в другие могилы кости черепа и рук, принадлежащие женщинам, реже детям и подросткам. Женские кости нередко извлекались из могилы вместе с украшениями головных уборов, частями наконечников и украшениями для рук (браслеты, перстни). Вероятно, постпогребальные манипуляции с женскими, детскими и подростковыми костями осуществлялись женщинами, связанными с соответствующим культом женских предков или богинь-родоначальниц и покровительниц деторождения. Эти женщины, как служительницы культа, могли, в соответствующей ситуации, как извлекать кости женских предков (в основном черепа и кости рук), так и совершать их перезахоронения в других могильниках и на другой территории.

Заключение

Таким образом, в эпоху бронзы в связи с развитием скотоводства на территории степей разворачивается борьба за лучшие пастбища. Причем соперниками в борьбе могли выступать коллективы, которые мы относим к одной культуре, в данном слу-

чае – алакульской. Проигравший коллектив должен был покинуть не только свою территорию, но и родовое кладбище, где покоились кости предков. Чтобы сохранить связь с предками, они могли извлекать из могил и перемещать их кости на новую территорию. С определенной долей вероятности можно высказать предположение, что победившей группе алакульского населения для окончательного утверждения своих прав на захваченную территорию следовало добиться благорасположения и помощи духов предков той группы, которая прежде обитала на этой территории. Вероятно, в алакульской среде для этого требовалось перенести и захоронить в некоторых могилах соперников отдельные кости своих предков. В таком случае, находит свое объяснение факт наличия «лишних» костей в алакульских захоронениях. Одной из особенностей алакульской традиции можно считать то, что, во-первых, извлекались и перемещались кости, принадлежащие женщинам, во-вторых, состав костей был, вероятно, достаточно четко определен (череп, нижняя челюсть, кости руки)*. Следовательно, нарушения могил в среде алакульского населения могли производиться многократно, как сородичами, так и их противниками. Эти действия магического характера были направлены в первую очередь на кости предков. Именно помощь и поддержка предков, а не украшения, оружие или другой сопутствующий инвентарь представляли главную ценность для коллектива.

Библиографический список

- Исаева Т.А. Погребальный обряд восточных хантов: особенности взаимоотношений с духами предков (полевые исследования этнокультурного региона р. Пим) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 123–126.
- Косинцев П.А. Жертвенные животные из алакульского могильника «Ермак-IV» // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1990. С. 66–69.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск : Наука, 1998. 417 с.
- Сотникова С.В. О формировании алакульских некрополей: к реконструкции ритуальных действий и представлений // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе : в 3 т. Т. 1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 355–358.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. 243 с.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск : Наука, 2008. 304 с.
- Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического круга. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 128–170.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск : Тип. «Taimas printhouse», 2005. 232 с.
- Усманова Э.Р. Символические и разрушенные захоронения в «тексте» андроновского погребального обряда (по материалам памятников Лисаковской округи II тыс. до н.э.) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, Невская книжная типография, 2016. С. 51–55 (Труды ИИМК РАН. Т. 46).
- Чемякин Ю.П. О военных конфликтах в андроновском мире // Маргулановские чтения – 2014 : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию академика А.Х. Маргулана. Алматы ; Павлодар : «Эко», 2014. С. 97–106.
- Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всесоюзной научной конференции. Челябинск : Челяб. гос. краевед. музей, 2015. С. 167–176.

* По-видимому, существовали постпогребальные ритуалы, связанные с костяками мужчин из разряда предков, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н. О некоторых аспектах мотивации разрушения могил алакульской культуры на территории лесостепного Притоболья // XV Уральское археологическое совещание : тезисы докладов Международной археологической конференции. Оренбург : ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 122–123.

Яценко С.А., Килуновская М.Е. Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб. : ИИМК РАН, Невская книжная типография, 2016. С. 7–14 (Труды ИИМК РАН. Т. 46).

References

Isaeva T.A. Pogrebal'nyj obrjad vostochnyh hantov: osobennosti vzaimootnoshenij s duhami predkov (polevye issledovanija jetnokul'turnogo regiona r. Pim) [Funeral Rite of the Eastern Khants: Peculiarities of Relationships with the Spirits of Ancestors (field studies of the ethnocultural region of the Pym river)]. Voprosy arheologii, antropologii i jetnografii [Questions of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 1997. Issue 1. Pp. 123–126.

Kosincev P.A. Zhertvennye zhivotnye iz alakul'skogo mogil'nika «Ermaк-IV» [Sacrificial Animals from the Alakul Cemetery “Ermaк-IV”]. Problemy istoricheskoi interpretacii arheologicheskikh i jetnograficheskikh istochnikov Zapadnoj Sibiri [Problems of Historical Interpretation of Archaeological and Ethnographic Sources of Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1990. Pp. 66–69.

Matveev A.V. Pervye andronovcy v lesah Zaural'ja [The First Andronovo People in the Forests of Trans-Urals]. Novosibirsk : Nauka, 1998. 417 p.

Sotnikova S.V. O formirovanii alakul'skikh nekropol'ej: k rekonstrukcii ritual'nyh dejstvii i predstavlenij [On the Formation of the Alakul Necropolises: the Reconstruction of Ritual Actions and Ideas]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe : v 3 t. [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha: 3 vol]. Vol. 1. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Pp. 355–358.

Tkachev A.A. Central'nyj Kazahstan v jepohu bronzy [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Ch. 2. Tjumen' : TjumGNGU, 2002. 243 p.

Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Jepoha bronzy Verhnego Priirtysh'ja [The Bronze Age of the Upper Irtysh Area]. Novosibirsk : Nauka, 2008. 304 p.

Toporov V.N. O kosmologicheskikh istochnikah ranneistoricheskikh opisaniij [On Cosmological Sources of Early Historical Descriptions]. Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga [From the Works of the Moscow Semiotic Circle]. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. Pp. 128–170.

Usmanova Je.R. Mogil'nik Lisakovskij I: fakty i paralleli. Karaganda ; Lisakovsk : Tip. «Taimas printhouse», 2005. 232 p.

Usmanova Je.R. Simvolicheskie i razrushennye zahoroneniya v «tekste» andronovskogo pogrebal'nogo obrjada (po materialam pamjatnikov Lisakovskoj okrugii II tys. do n.е.) [Symbolic and Destroyed Burials in the “Text” of the Androno Funeral Rite (based on the materials of the monuments of the Lisakovo district of the II millennium BC)]. Drevnie nekropoli i poselenija: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zahoroneniya i ograblenija [Ancient Necropolises and Settlements: Post-Mortuary Rituals, Symbolic Burials and Robberies. SPb. : IIMK RAN, Nevskaja knizhnaja tipografija, 2016. [Proceedings of IIMK RAN]. Pp. 51–55 (Trudy IIMK RAN. T. 46).

Chemjakin Ju.P. O voennyh konfliktah v andronovskom mire [On Military Conflicts in the Andronovo World]. Margulanovskie chteniya – 2014 : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 110-letiju akademika A.H. Margulana [Margulanov Readings – 2014: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Dedicated to the 110th Anniversary of Academician A.Kh. Margulana]. Almaty; Pavlodar : «Jeko», 2014. Pp. 97–106.

Chemjakin Ju.P. Sledy voennyh konfliktov na alakul'skikh poselenijah [Traces of Military Conflicts in the Alakul Settlements]. Jetnicheskie vzaimodejstvija na Juzhnom Urале : materialy VI Vsesojuznoj nauchnoj konferencii [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the Sixth All-Union Scientific Conference]. Cheljabinsk : Cheljab. gos. kraeved. muzej, 2015. Pp. 167–176.

Shilov S.N., Masljuzhenko D.N. O nekotoryh aspektah motivacii razrusheniya mogil alakul'skoj kul'tury na territorii lesostepnogo Pritol'ja [On Some Aspects of the Motivation for the Destruction of the Graves of Alakul Culture in the Territory of the Forest-Steppe Region of the Tobol Area], XV Ural'skoe

arheologicheskoe soveshhanie. Tezisy докладov mezhdunarodnoj arheologicheskoy konferencii [XVth Ural Archaeological Meeting: Abstracts of the International Archaeological Conference]. Orenburg : OOO «Orenburgskaja gubernija», 2001. Pp. 122–123.

Jacenko S.A., Kilunovskaja M.E. Narushennye pogrebenija: problemy izuchenija [Violarted Burials: Problems of Study]. Drevnie nekropoli i poselenija: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zahoronenija i ograblenija [Ancient Necropolises and Settlements: Post-Burial Rituals, Symbolic Graves and Robberies]. SPb. : IIMK RAN, Nevskaja knizhnaja tipografija, 2016. Pp. 7–14 (Trudy IIMK RAN. T. 46).

S.V. Sotnikova

LLC “The center for Archaeological Research”, Nadym, Russia

**TO THE ISSUE ABOUT THE CULT
OF ANCESTORS IN THE ALAKUL SOCIETY
(on materials of the violated burials)**

In recent years the question of the violated burials of the ancient cultures of Eurasia has been widely discussed. The article deals with the Alakul burials with certain “superfluous” human bones that are not related to the main burial. Basically, these are female skulls, lower jaws, teeth and bones of one hand/hands. The Alakul burials, where the female skeleton lacks the skull and bones of one hand, supplements this picture. The following explanation of this situation is proposed. In the Bronze Age with the development of cattle breeding, in the steppes the struggle for the best pastures unfolds. Rivals in the struggle could be groups that belong to the same culture (Alakul). The collective which suffered the defeat had to leave not only its territory, but also the clan cemetery where ancestors were buried. In order to give the collective the support of their ancestors in the new place, they dug out the graves of the most revered of relatives and transported the bones to the new territory. Accordingly, the winning collective tried to assign the cemetery of the adversary, For this purpose they buried the bones of their ancestors in the graves that belonged to other clan. The author comes to the conclusion that the disturbing of graves in the antiquity could be done repeatedly, both by relatives and adversaries. These actions of a magical nature were directed, first of all, at the bones of ancestors. It is the help and support of the ancestors, and not jewelry or weapons, that the main value to the collective.

Key words: Western Siberia, Kazakhstan, the Bronze Age, the Alakul culture, the cult of ancestors.